

**Отзыв официального оппонента
доктора психологических наук, профессора кафедры психологии
ГБОУ ВО Московской области «Университет «Дубна»» о диссертации
Марии Вячеславовны Фаликман
«Структура и динамика зрительного внимания при решении перцептивных задач:
конструктивно-деятельностный подход»,
представленной на соискание ученой степени доктора психологических наук по
специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности,
история психологии**

Диссертационное исследование М.В. Фаликман нацелено на то, чтобы «продемонстрировать эвристичность конструктивно-деятельностного подхода к вниманию как методологии, интегрирующей когнитивную, культурно-деятельностную и конструктивистскую научно-исследовательские программы и программу «физиологии активности» в психологии познания, проанализировав феномены, виды и механизмы укрупнения перцептивных единиц в задачах на внимание на материале «эффекта превосходства слова»».

Эта цель достигалась двумя путями: во-первых, большой обзорно-аналитической работой с теориями и фактами, накопленными за более чем вековую историю исследований зрительного восприятия, внимания и других видов человеческих действий, историю мировой психологии, включая и советско-российскую; во-вторых, детальным анализом и обобщением результатов собственных экспериментальных исследований характеристик и способов решения задач зрительного поиска и опознания букв и слов. В принципе схема двух путей является типичной, даже стандартной. Каждый путь порождает свою часть текста диссертации. Но качество работы во многом зависит от того, как эти два пути пересекаются, переплетаются и образуют ли они единство и целостность. Если воспользоваться известной метафорой Л.С. Выготского, то речь идет о различении двух крайних типов исследований: тех, которые строятся по принципу улитки, когда теоретико-методологический скелет расположен отдельно от всего остального, и тех, в которых теория и методология подобно позвоночнику является основой, без которой нельзя и шагу сделать. Анализ диссертационной работы не оставляет сомнений, что она относится ко второму – безусловно, более прогрессивному – типу.

Сама по себе поставленная цель работы – «продемонстрировать эвристичность...» – не является неожиданной. В свое время я тоже пытался продемонстрировать эвристичность деятельностного подхода на материале многолетних исследований П.И. Зинченко, посвященных произвольной и непроизвольной памяти. В отличие от М.В. Фаликман, это было сделано путем чисто ретроспективного анализа, т.е. путем демонстрации того, что в когнитивной психологии памяти были переоткрыты методические приемы и экспериментальные результаты, ранее описанные в исследованиях П.И. Зинченко. Однако задачи, поставленные в работе М.В. Фаликман, гораздо сложнее – продемонстрировать эвристичность известного подхода для исследования новых фактов, т.е. показать его плодотворность и работоспособность на принципиально новой для него фактологии. Отсюда и необходимость постоянного пересечения двух путей в защищаемой работе.

Стоит отметить, что автор не уподобляет свою миссию попытке внедриться «со своим уставом в чужой монастырь». Эта аналогия сюда явно не подходит. Во-первых, потому что автор далек от самого духа монастырской науки, озабоченной в основном борьбой с ересью, и беспрестанными схоластическими спорами о том, чья школа больше соответствует «священному писанию». Во-вторых, в работе неоднократно

подчеркивается, что речь идет об интеграции, синтезе и, главное, о «взаимообогащении» разных теоретических традиций (см. первое защищаемое положение и введение в главу 3). При этом автор совершенно ясно отдает себе отчет в том, что «теории и модели современной когнитивной психологии оперируют объяснительными конструктами, сформулированными на языке информационного подхода и восходящими к компьютерной метафоре познания. Различия в понятийном аппарате вызывают значительные затруднения при соотнесении результатов, полученных в рамках этих двух разных исследовательских подходов, а предыдущие попытки их синтеза предполагали развитие нового понятийного аппарата, как, напр., в случае «микроструктурного анализа» В.П. Зинченко...» (гл. 3). По существу, главный акцент в этой работе ставится на том, что новая фактология, новые понятия и идеи могут быть полезны для дальнейшего развития деятельностного подхода и культурно-исторической психологии.

О грандиозности теоретического анализа диссертации косвенно свидетельствует список использованной литературы, который включает 548 наименований, из них 375 на иностранном языке.

В работе действительно представлена обширная история теоретических взглядов, начиная с работ Вундта, Титченера, Кеттела, Джеймса и завершая самыми современными исследованиями по основным проблемам психологии внимания, включая проблему существования внимания как особой психической функции (гл. 2), проблему оперативных и функциональных единиц восприятия (гл. 4), проблему уровневого строения процесса решения перцептивной задачи (пар. 3.3), проблему познавательной активности и ее социокультурной детерминации (пар. 1.3). Проведенная автором систематизация теоретических подходов к этим проблемам убедительно доказывает не только возможность «сближения этих подходов, наведения мостов» между ними, но отчасти устраняет «разорванность линий развития когнитивной науки и отечественной психологической мысли». Проведено достаточно детальное сопоставление основных понятий когнитивной психологии (восходящие и нисходящие процессы, автоматические и контролируемые процессы, пространственно- и объектно-ориентированное внимание, стратегии) и соответствующих понятий в рамках деятельностного подхода и физиологии активности.

Перечислю наиболее значимые результаты теоретического анализа:

(1) На основе анализа тенденций развития когнитивной психологии и когнитивной науки на современном этапе автор делает вывод о последовательном движении «от компьютерной метафоры познания к человеку во всех его проявлениях: начиная от телесных аспектов познавательных процессов (восприятия, мышления, памяти) и заканчивая их социокультурной детерминацией (общее обсуждение см.: Cole, 2003; Galikman, 2014). (...) Эти тенденции, методологически близкие к положениям конструктивизма (напр., Глазерсфельд, 2001; Матурана, Варела, 2001), одновременно говорят и о сближении современной когнитивной психологии с положениями культурно-исторической психологии и психологической теории деятельности» (Введение); другими словами, «в последнее время перспективы развития когнитивной науки обретают всё более выраженный культурно-деятельностный характер» (пар. 1.3).

(2) Автор показывает, что «представление о порождении образа объекта как конструктивном процессе к настоящему времени можно считать позицией, по которой сходятся представители разных научных школ» (пар. 1.2).

(3) С точки зрения развиваемого автором конструктивно-деятельностного подхода механизмы внимания предстают как механизмы выстраивания (конструирования) единиц обработки информации с учетом условий и требований решаемой субъектом перцептивной задачи. «Перцептивные единицы» предлагается «рассматривать как

связующее звено между поступающей извне информацией и познающим субъектом, его опытом и арсеналом средств решения перцептивных задач, а также способами организации системы этих средств, или стратегиями» (Введение).

(4) Возможно, самым важным с точки зрения теоретической новизны и эмпирической эвристичности является обоснование возможности различать структурные и функциональные единицы обработки зрительной информации, формирование которых определяется разными типами нисходящих процессов, имеющих разные источники: индивидуальный опыт субъекта (различные формы репрезентаций, хранящихся в системе памяти), с одной стороны, и его текущие цели и стратегии решения перцептивной задачи, с другой стороны (пар. 3.1).

(5) Отмечу также вывод о большом семантическом сходстве понятий «стратегия» и «способ решения задачи», причем автор считает необходимым ограничить понятие стратегии решения перцептивной задачи «эксплицитно и целенаправленно применяемыми способами решения задачи» (пар. 3.2).

(6) Значительное место в работе уделяется понятию задачи и систематизации задач в исследованиях восприятия и внимания. Особенно содержательным является вывод о связи между понятиями «перцептивной задачи» и «задачи на внимание»:

«Перцептивная задача как таковая, т.е. постановка цели, возникает в том случае, если автоматические процессы, направленные на сбор и обработку необходимой информации, оказываются недостаточными. Именно поэтому мы связываем постановку перцептивной задачи с затруднением условий восприятия¹. Любая перцептивная задача требует отбора и удержания материала в соответствии с поставленной целью, т.е. произвольного внимания. Собственно «задача на внимание» возникает в случае недостаточности доступных средств решения задачи для достижения цели в заданных условиях. Чем сложнее условия достижения поставленной наблюдателем цели, тем в большей степени перцептивная задача приближается к «протогишеческим» задачам на внимание, таким как задачи зрительного поиска в наборе пространственно распределенных зрительных стимулов или в их развернутой во времени последовательности» (пар. 3.3).

(7) Наконец, важное значение для общей стратегии экспериментальной части работы служит вывод об адекватности и перспективности использования букв и слов в качестве материала «для исследования возможностей перестройки системы и процессов автоматизации/деавтоматизации, для экспериментального анализа эффектов изменения ведущего уровня регуляции процесса решения перцептивной задачи в разных условиях предъявления и при разной постановке задачи» (пар. 4.5).

В пяти главах работы (главы 6-10) описывается большое количество экспериментов, проведенных самим автором, или под руководством автора или в сотрудничестве с другими авторами, в том числе иностранными. Точное количество экспериментов нельзя указать, так как можно по-разному учитывать отдельные серии и дополнительные эксперименты, но в моем представлении речь может идти о 18 экспериментах. Большинство из них использует в качестве стимульного материала пространственно-временные последовательности букв, образующие слова, псевдослова или так называемые неслова. Автор справедливо отмечает, что использование этого материала открывает «наиболее широкие возможности иерархической организации обработки зрительной информации и варьирования решаемых человеком задач» и позволяет исследовать,

¹ В другом месте уточняется, что затруднения связаны с недостатком, переизбытком и неоднозначностью стимульной информации» (пар. 3.3).

«каким образом система восприятия перестраивается в соответствии с особенностями поставленной задачи».

Один из способов взаимообогащения разных подходов особенно наглядно выступает в методическом разнообразии проведенных экспериментов. В исследованиях автора представлены «разработки новых и модификации известных методических процедур, предложенных в когнитивной психологии». В числе конкретных исследовательских методик использовались: быстрое последовательное предъявление зрительных стимулов (БППЗС) – глава 6 и частично 7; методика пространственной подсказки – глава 7; ряд модифицированных методик зрительного поиска букв или слов – главы 8 и 10; методика метаконтрастной маскировки – глава 9; методика семантического прайминга – глава 10. Кроме того, помимо классического эффекта превосходства слова в роли методических средств использовались такие сравнительно недавно открытые эффекты как «мигание внимания» (главы 6 и 7) и иллюзия «слепоты, вызванной движением». В одном из экспериментов (глава 10) осуществлялась регистрация движений глаз при выполнении задач поиска букв или слов в больших буквенных массивах без пробелов между словами.

Такое разнообразие методик, творческая изобретательность в их комбинировании, равно как и высочайшее мастерство в планировании экспериментов и тщательном подборе стимульного материала, учитывающем такие факторы как частотность и синонимичность слов, легкость и трудность произнесения, несомненно, свидетельствуют о высоком уровне проведенных исследований. Особого признания заслуживает довольно редкое в современной экспериментальной психологии сочетание «объективных» данных об эффективности решения задачи с запланированным получением субъективных отчетов (что было в ряде экспериментов, описанных в главе 6). Далее при обработке и анализе результатов данные субъективных отчетов играют существенную роль в интерпретации «объективных» данных.

Эксперименты с БППЗС и задачами опознания букв или чтения слов, в которых варьировались факторы «характер материала» и «способ действия» (или субъективная стратегия) доказывают, что укрупнение функциональных единиц происходит благодаря целенаправленному перцептивному действию, а не в силу автоматической актуализации более крупной структурой единицы из долговременной памяти. Следовательно, «мигание внимания» снимается именно в силу определенного способа сбора и обработки зрительной информации, предполагающего укрупнение функциональной единицы восприятия. Важный факт, обнаруженный автором и подтверждающий этот вывод, состоит в том, что эффект превосходства слова в случае применения испытуемым стратегии укрупнения функциональных единиц имел место не только для слов, но и для псевдослов и даже неслов.

Эти эксперименты с побуквенным предъявлением, а также исследования эффекта превосходства слова со стандартным одновременным предъявлением букв, образующих слова, псевдослова или неслова, находятся в согласии с выдвинутыми автором гипотезами (второй и третьей в списке, представленном во Введении) о двух механизмах укрупнения перцептивных единиц – структурном и функциональном.

Другой цикл экспериментов по зрительному поиску целевой буквы в больших буквенных массивах, содержащих и не содержащих слова, в том числе эксперимент с регистрацией движений глаз, подтверждает последнюю (четвертую) гипотезу о том, что спонтанное укрупнение перцептивных единиц может не использоваться в качестве средства решения задачи и не иметь позитивного влияния на эффективность её выполнения.

Общий вывод из всех проведенных автором теоретических анализов и экспериментальных исследований согласуется с первой гипотезой исследования и состоит

в том, что они (результаты исследования) убедительно и содержательно демонстрируют «эвристичность конструктивно-деятельностного подхода к зрительному вниманию человека, основанного на положениях психологической теории деятельности и представлениях об опосредствовании и о структуре высших психических функций, сложившихся в КИП» (гл. 11).

Этот подход действительно позволяет дать на психологическом (но не психофизиологическом) уровне объяснение широкому кругу феноменов зрительного внимания и открывает новые возможности эмпирической проверки гипотез о его природе. В свете конструктивно-деятельностного подхода механизмы внимания предстают как механизмы выстраивания (конструирования) единиц обработки информации с учетом условий и требований решаемой субъектом перцептивной задачи.

Результаты исследований автора отражены в большом множестве публикаций – учебнике по психологии внимания, в двух коллективных монографиях, статьях и тезисах конференций.

Необходимо сделать несколько замечаний критического характера.

1. В большинстве глав диссертации нет в эксплицитном виде выводов, т.е. тоже своего рода крупных концептуальных единиц, которые могли бы способствовать лучшему пониманию содержания этих глав; отсутствие выводов, в частности, создает трудности для соотнесения приведенных в заключении одиннадцати выводов с конкретными разделами диссертации, которые служат основанием для них. Аналогично, таблица 8, суммирующая основные результаты исследований автора, оказывается почти бесполезной из-за отсутствия указаний на конкретные эксперименты.

2. Иногда слишком кратко и неполно описываются методические детали экспериментов. Напр., в дополнительном эксперименте, проведенном совместно с Д.В. Девятко (параграф 9.2), было уменьшено расстояние между буквами, но точная величина его не сообщается. В описании методики трехсерийного первого эксперимента (параграф 6.1), испытуемые должны были определять способ начертания целевой буквы (одна из двух задач испытуемых), который характеризуется так: буква могла быть «письменная или печатная» (здесь непонятно, что значит «письменная» – курсив, рукописная или еще что-то; в определенном смысле печатные знаки тоже являются письменными).

Отмеченные недостатки легко устранимы, и не подрывают доверия к основным научным достижениям работы.

В дополнение к сказанному можно добавить еще одно дискуссионное замечание, которое не считаю однозначным недостатком. Хотя цель работы вполне достигнута, и эвристичность конструктивно-деятельностного подхода убедительно подтверждена, тем не менее остаются сомнения в том, насколько этот подход способен соответствовать другому важному требованию к теоретическим системам, а именно – требованию фальсифицируемости. Создается впечатление, что конструктивно-деятельностный подход используется для выдвижения гипотез, которые четко не определяют, какие результаты ему противоречат, а в тех случаях, когда автор получал несоответствие результатов выдвинутым гипотезам (напр., эксперименты, описанные в параграфе 8.2, 9.1 и 9.2), никаких особых проблем для интерпретации не возникало. С этой точки зрения показательным является один эксперимент (параграф 10.3), в котором одновременно выдвигались взаимоисключающие гипотезы. Возможно, что в своем стремлении к достижению главной цели работы автор занял не полностью беспристрастную позицию в отношении защищаемого конструктивно-деятельностного подхода, ограничившись задачей показать его только с положительной стороны.

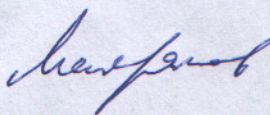
Подводя итог критическому анализу диссертационной работы, необходимо признать, что автор выполнил значительный объем теоретических и экспериментальных

исследований, результаты и выводы которых обладают достоверностью и принципиальной научной новизной и могут быть классифицированы как научное достижение, обеспечивая соответствие диссертации пунктам 9-10 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ №842 от 24.09.2013 г. Сделанные замечания не влияют на общую высокую оценку диссертационного исследования.

В качественном отношении полученные результаты вполне сопоставимы и конкурентоспособны с современными исследованиями в данной области. Достигнутые автором результаты, несомненно, имеют существенное значение для дальнейших теоретических и эмпирических исследований зрительного восприятия и внимания. Диссертация соответствует требованиям ВАК Российской Федерации, предъявляемым к докторским диссертациям, согласно Положению о присуждении ученых степеней, утвержденному постановлением Правительства РФ №842 от 24.09.2013 г., а ее автор, Мария Вячеславовна Фаликман, заслуживает присуждения ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.01 — общая психология, психология личности, история психологии

Автореферат и опубликованные работы отражают основные результаты исследования.

Официальный оппонент,
профессор кафедры психологии
Государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования
Московской области
«Университет «Дубна»»,
доктор психологических наук

Б.Г. Мещеряков

141980, Московская область, г. Дубна, ул. Университетская, д. 19
(496) 214-77-75

Контактные данные оппонента: 115583, Москва, ул. Генерала Белова, 45-3-445;
borlogic1@gmail.com,
8-915-094-52-49.

Государственный университет «Дубна»
Подпись *Мещеряков*
Б.Г. УДОСТОВЕРЯЮ
Начальник общего отдела *Иванова*
«18» 04 2016г.

